…Д ИЗДАНИЯ № 1 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ МОСКВА, Редакция: Тверская, 28 ● Телефон редакции 3-43-56 ● Контора: Солянка, 12, Дворец Труда 1928 ГОД

СКАЗАНО—СДЕЛАНО!

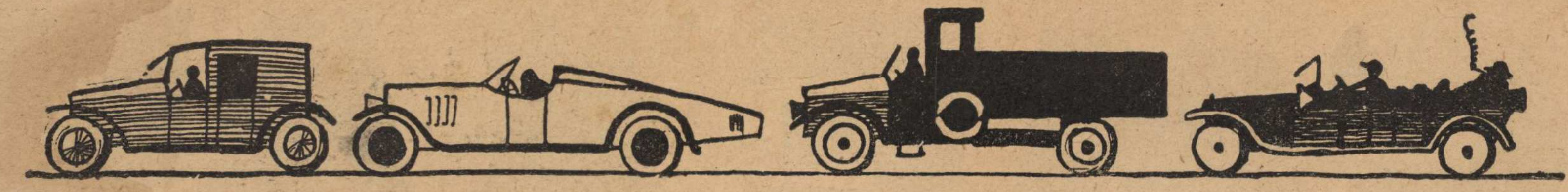
Рис. А. Радакова

— В прошлом году я не успел побороть бюрократизм в нашем учреждении, а сейчас я это непременно сделаю...

Рис. Б. М.

ПО ОССИНСКОМУ

Лошадиная „смена“.

ОПОССУМ

С некоторых пор у граждан города Пскова таинственным образом начали исчезать кошки со дворов. Сначала явление это носило единичный характер, и в каждом отдельном случае могло быть об'яснено, казалось, различными индивидуальными особенностями быта, характера и привычек исчезавших котов и их хозяев.

Исчез, например, на Баторьевской улице кот у дьякона, отца Елезвоя Кокошко; но это был чудесный ангорский кот, неутомимый ловелас и крайне легкомысленный мужчина, известный своими интрижками и похождениями кошкам всего Пскова, кумир и любимец дам; дьякон Елезвой, скорбя о фривольных наклонностях питомца, неоднократно высказывал опасения, что завистливые и ревнивые городские коты в один прекрасный вечер изорвут его на части, не оставив ни шерсти, ни косточки на месте, где будет оборвана трагически, на расцвете шестой весны, его молодая и бурная жизнь. Его могли, кроме того, украсть и экспортировать на миусский рынок в столицу, где любители и профессионалы платят за таких котов большие деньги. Но вскоре исчезла кошка у акцизного Семена Ивановича Пронина; это была ординарная и скучная рыжая кошка, ежегодно приносившая в дом по десятку облезлых котят, и едва ли кто-нибудь мог в корыстных целях польститься на такое добро; но отроки акцизного Пронина беспощадно терзали животное, привязывали ему репеи и колокольчик и всякую гадость к хвосту — и кошка могла сбежать попросту, исчерпав кротость и терпение и решив однажды начать новую, светлую жизнь. Потом пропали кошки у актера Липахина и провизора Лихтенштейна; с известной натяжкой и это можно было об'яснить различными особенностями и язвами их кошачьего бытия. Провизор, экспериментируя в области химии, проверял на кошке теорию о влиянии кайенского перца на окраску шерсти и оперения животных, актер же, служа чистому искусству, пренебрегал суетой прозаических дней, и его хронически-голодный кот бродил всегда, как цыган, по городским окраинам, добывая в помойках и на свалках свой горький хлеб. Кот провизора мог бежать, спасаясь от кайенского перца, к другим берегам; кота актера могли ошпарить кипятком или зашибить булыжником в любом из дворов, куда он забредал. Исчезновения эти не произвели поэтому шума в городе и остались известны весьма ограниченному кругу лиц.

Но вслед за тем кошки стали десятками исчезать бесследно со дворов одна за другой,— и об этом загадочном и странном явлении заговорили, мало по малу, на всех углах, базарах и перекрестках.

И раньше бывало, что вдруг начинали исчезать голуби, собаки или петухи со дворов. Но это было об'яснимо и не имело никогда характера широкого бедствия; голубей загоняли голубятники с окраин, собак ловил по утрам аркаром городской гицель в будку, петухов давили хори, в изобилии появлявшиеся после первых дождей; но против хорей можно было принять меры, голубям подрезали крылья, и гицель всегда возвращал за двугривенный плененного и тоскующего в будке смерти пса. Было известно, кто и зачем гонял голубей и ловил собак, и всегда можно было предотвратить это, или исправить случившееся,— и оно не возбуждало ни толков, ни страха, ни недоумения.

Кошки же исчезали загадочно, и на местах происшествий не оставалось никаких следов, позволяющих судить о личности преступников и целях хищения или убийств. Кошки проваливались, как будто, сквозь землю, или как крысы с тонущего корабля, без оглядки бежали из города за тридевять земель. Это было таинственно и необ'яснимо, как рок, и сеяло смятение в умах горожан. Вдобавок, вскоре стали поступать тревожные сообщения о массовом исчезновении кошек и в пригородных деревнях.

Странный кошачий мор, вызывавший тьму самых фантастических слухов и предположений, принял характер стихийного бедствия. Кошек перестали выпускать по их делам во дворы, но стали держать их в домах на привязи и прятать в корзинах и сундучках, в кладовки и под кровати; люди терялись в догадках о причинах загадочного этого явления, и оно с течением дней стало возбуждать в них почти суеверный страх.

Вскоре по городу прошел слух, что в магазин и заготовительную контору госторга прибыли новые партии общедоступных русских мехов. В числе лиц, отправившихся проверить эти частные сведения, был и дьякон Елезвой Кокошко, давно присматривавший какую-нибудь чепуху матушке на горжетку. Перебирая мех, предложенный ему в магазине, дьякон странно крякнул вдруг, взяв в руки черную и длинную шкурку с пломбой и номерком в ушке.

— Это что за мех будет?— спросил он у приказчика, не глядя почему то ему в глаза и нервно теребя шкурку пальцами.

— Это опоссум — сказал приказчик, — любительский зверь, он, как выхухоль, даже поигристей кажется...

— Опоссум?— спросил дьякон тихо и зловеще, и вдруг закричал, налившись кровью и стукнув ольховой палкой по прилавку,— врешь, пастыря обманываешь. Убивец!

Приказчик попятился и потянул поспешно шкурку под стол; дьякон, не пуская, схватил опоссума за хвост.

— Врешь! — кричал дьякон, выкатывая глаза и тыча в какую то плешь на шкурке:— врешь, какой он опоссум, моим котом торгуешь! На дурака напали?! У меня ж отмечено, я ему тавро выжег на пузе — во, гляди!

— Потише, отец! — сказал, наконец, приходя в себя, приказчик:— за это и к мировому можно!

— И пойдем, и пойдем! Это не рваный кот, у него тавро, за него отвечать придется! Господи прости, бездельники какие, во всем городе кошек перевели, вот ироды!..

...Дьякон, придя домой, рассказал о происшествии матушке, матушка же поделилась гневной горечью с соседкой, акушеркой Грендаль. Но акушерка, смекнув что то, сделала совсем неожиданный вывод из сенсационных разоблачений дьякона; она сейчас же выпустила на волю доселе томившегося в саквояже для инструментов собственного кота Петрушу, предварительно выстригши ему, однако, фигурными спиралями шерсть на спине и на боках. Обезображенный кот стал походить на зебру и имел вид на столько эксцентричный, что даже куры шарахались от него во дворе. Через день кот исчез, но к вечеру благополучно вернулся домой, зализывая кровоподтек на лапе; кто то с досады, что взял такую гадость, шарахнул его, очевидно, о тумбу. Тогда все, у кого сохранились еще коты в чуланах, стали выпускать их постепенно во дворы, предварительно выстригая им возможно более безобразные плеши на спинах и на боках: возьми, возьми — опоссума сделаешь! Выстриженные, плешивые, безобразные кошки бродили по дворам, как шалые, не узнавая друг друга при встречах, и возбуждали смех и удивление в людях, посторонних делу, и припадки ярости в заготовителях, готовых кусать себе пальцы, с досады: возьми, возьми опоссума!..

Вскоре на перекрестке у водопровода поймали мальчишку, куда то тащившего за пазухой кота; испуганный мальчишка показал, рыдая, что кота он нес в заготовительную контору госторга, где за этот общедоступный русский мех платят по полтине от штуки. Дело стало широко известно в городе, о нем появились заметки и даже стихи в газете, и кошачьим мором и пушными заготовками госторга заинтересовались тогда прокуратура и РКИ...

А. Зорич

НОВЫЙ ГОД

1.

Все было, как всегда: вино, цветы, хлопушки,
Иллюминованный портал...
В 12 бухнули заряженные пушки,
И Новый Год настал.

2.

Нам заповедано прадедовским каноном:
На фоне святочных метельных непогод
Наивным сосунком, веселым купидоном
Изображать новорожденный год.
Кругом снега. Пурга. Вой ветра неустанный.
От холода лицо, как полымем, горит.
А он себе стоит, младенец голоштанный,
И: — С новым счастьем! — говорит.
Но я, пардон, поэт практического склада,
И речь моя по новому течет:
Нижеизложенные строчки не баллада,
А отчет.

3.

Движению светил не свойственны пороки.
Незыблем вечности эфирный пьедестал.
И нынче Новый Год в указанные сроки
Неукоснительно настал.
Но нечего пылать восторженною Этной
И требовать велеречивых од:
То был не купидон конфектно-туалетный,
То был хозяйственный, госплановый, бюджетный,
Учетно-сметный
Новый Год.

4.

Пришел. Внушительно замкнулся в кабинете.
Среди курьеров поднял тарарам.
Нашел погрешности в полуквартальной смете
И усомнился в правде диаграмм.
Сменил бухгалтера. Повздорил с управделом.
Распек верхи и устрашил низы.
Сказал, что он пришел следить за делом
И не потерпит никакой бузы.
Изрек, что хватит с нас слюней и сопель,
Что с разгильдяями он будет строг и тверд
(При чем велел продать десятисильный Оппель
И выписать двадцатисильный Форд).
Сурово осудил в работе перебои.
Из пома-щеголя поклялся выбить форс.
В приемной предписал переменить обои
И приобресть диван Луи-Каторз.
Потом племянника провел себе зампредом
И предписал плакатно подтвердить,
Что впредь „прием просителей по средам"
И „без доклада не входить".

5.

Теперь, казалось бы, с похвальным беспристрастьем
Обрисовав новорожденный год,
Я должен взять бокал, и выпятить живот,
И гаркнуть:
— С новым счастьем!
Я знаю: так кончать поэтам не впервой —
Им лозунг тот от прадедов основой...
Но наступивший год не только, братцы, новый,
Он также деловой.
И, поощряемый гос-хоз-воображеньем,
Я мыслью в небесах лирически парю —
Встречая Новый Год, с восторгом говорю:
— Ну, братцы, с новым достиженьем!

А. д'Актиль

Рис. И. М.

„ПОРА ИЗЖИТЬ"

— Скажите, когда наступит новый год?

— Уже наступил.

— Ах, уже наступил? Ура! Ура! С новым годом, — с новым счастьем!!!

ВАЖНАЯ ПТИЦА

Рис. Н. Радлова

Рождественский „гусь".

ВЕЧНАЯ БАСНЯ

Однажды лебедь, рак да щука везти с поклажей воз взялись...

Времена такого транспорта прошли. Автодор, заполнив страну автомобилями, сократил вышеуказанных неквалифицированных сотрудничков. И, получив выходное пособие по рационализации, они крепко задумались:

— Чем бы этаким модным и выгодным теперь заняться?

И единогласно было постановлено:

— Заняться кино-делом во всесоюзном масштабе!

Быстро были распределены роли. А именно:

Лебедь — зав. идеологической частью. Рак — заведующий художественной частью и сценарист. Щука — зав. хозяйственной частью.

— Нам нужны яркие моменты, рисующие мощный рост индустриализации страны. Мы должны показать на экране заводы и рудники, всецело пропагандировать среди широких масс наши задачи не в туманных картинах, а именно в кино (том такой-то, страница такая-то), — сказал лебедь, порываясь вверх.

— Ха-ха-ха, хи-хи-хи! — засмеялся, пятясь назад, покрасневший за время революции рак. — А не лучше-ли работать по старинке, давая картинки с фраками и любовью, да сальца немного добавить, ибо сказано: „Не подмажешь, — не поедешь!"

— Тьфу на вас! — рассердилась молчавшая доселе, как рыба, щука. — Меня в воду только тянет, никуда больше. Вода для нашего дела — спасение. В воду и только в воду прячут умные люди концы. И это особенно важно при нашей коммерческой постановке, когда трудно свести эти самые концы с концами!

* * *

Начало этой басни — Крыловское. Середина моя. А что касается конца, то я его также уступаю великодушно славному старикану.

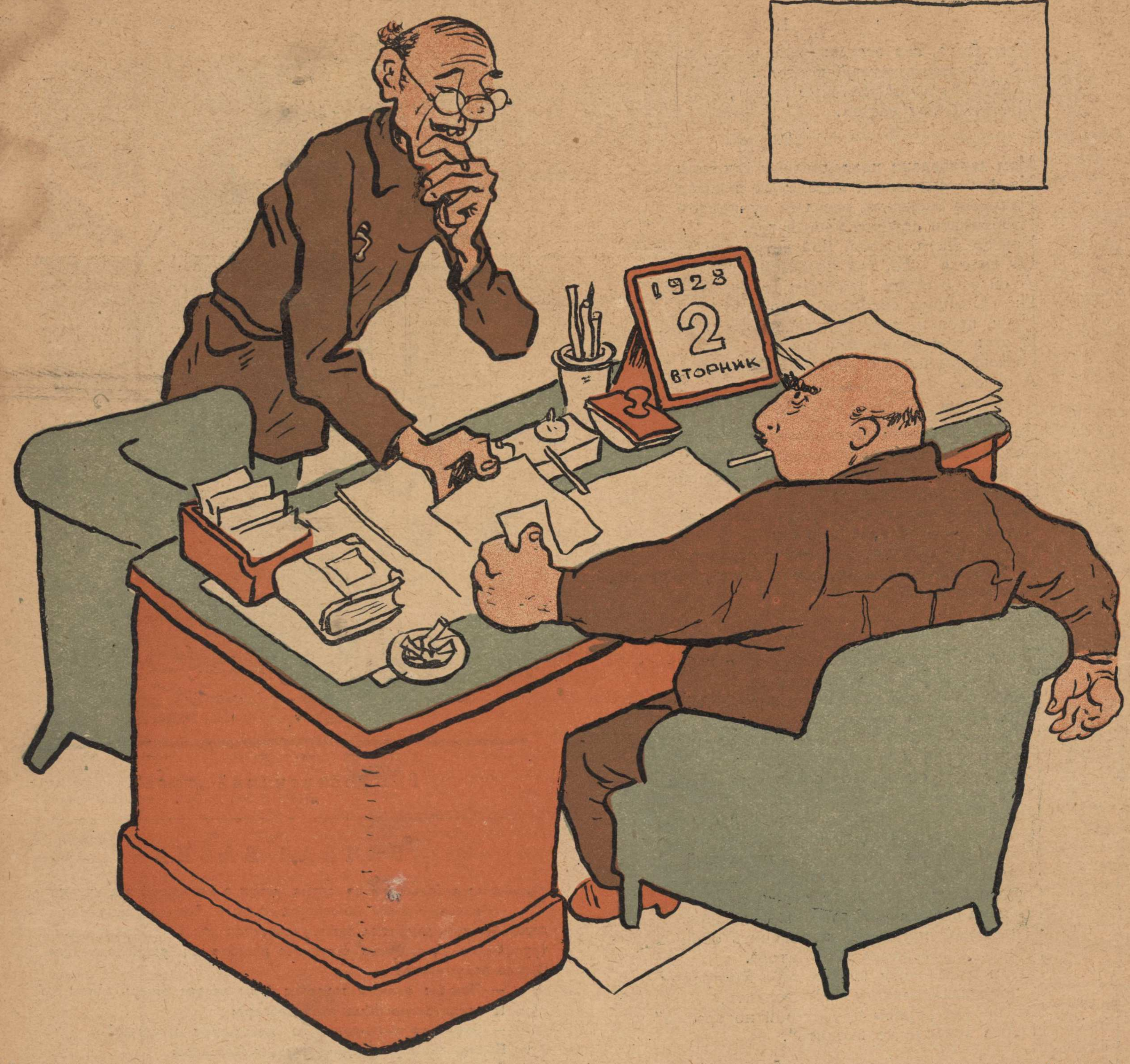
И старикан, вздохнув тяжело, написал:

...— Да только воз и ныне там!

М. Коварский

Рис. И. Малютина

ОН НАДЕЕТСЯ

— Почтительнейше поздравляя вас с наступившим новым годом и новым счастьем, позволяю себе выразить скромную надежду, что в наступающем году подхалимство в нашем учреждении будет совершенно изжито.

ОН И ОНА

Трест „Русские Самоцветы“ продал камни большой ценности для мостовой, поднятия набережной и пр. Кустари приезжали на набережную с подводами и растаскивали камни.

(„Правда“. — „Неслыханная бесхозяйственность“).

В светлой горенке, по модному одет,
Руки в боки, ходит „Русский Самоцвет“.

Каблучками пол наяривает,
Сам с собою разговаривает:
— Я-ль над камнями не бог, не господин!..
Мостовая же — булыжничек один...
Я потешу вволю блажь мою,
Заменю булыжник яшмою!..

Мостовая дивно яшмою горит.
Частник частнику: — „Не медли!..“ говорит.

Поднаперли эти ежики.
Принесли с собою ножики.
Стали зенками по камешкам лупать...
Стали ночью мостовую колупать...
Колупали, яшму славили,
Место голое оставили...

Самоцвет гуляет фертом по двору:
— Мостовую я во мрамор уберу!..
Пусть отныне раскрасавица
Белизной своею славится!..

Мостовая белым мрамором горит.
Житель жителю: — „Не медли!..“ говорит...

Мрамор тоже — не безделочки...
Мрамор нужен на подделочки!..
И, как только ночь упала в те поры,
Принесли они и лом, и топоры...
Колупали, мрамор славили,
Место голое оставили.

На крылечке Самоцвет сощурил глаз:
— Мостовую расфасоню я в топаз...
И, с расходами не малыми,
Уберу еще опалами!..

Словно жар, горят опалы и топаз...
Женский пол стоит, свести не может глаз.

Набежали сватьи, мамушки...
Колупали вилкой камушки.
Самоцвет хвалою тешили,
На сережки камни вешали...

Самоцвет гуляет грустный по траве
Да ворочает булыжник в голове.
Спать не спит и не обедает,
С мостовой как быть — не ведает...

М. Андр.

ОРАКУЛ

В учреждении возле раздевальни было вывешено об'явление, в котором говорилось, что местком организует встречу нового года и „желающие принять участие должны внести по полтора рубля секретарю месткома В. Жолтенькой“.

Сначала запись шла туго, но когда служащие узнали, что сам заведующий Максим Васильевич Рябоконь уже заплатил три рубля за себя и за свою супругу, то на следующий день то же самое сделали завотделами. За завотделами последовали и все остальные.

В самой большой комнате — бухгалтерии — канцелярские столы были составлены вместе и накрыты двумя простынями (простыни принесла старшая машинистка Волкова). Посредине этих простынь лежал на белой тарелке жареный гусь, по бокам его, как почетный караул, стояли длинные рюмки. Голландский сыр и масло блестели, как куски солнца, полтавская колбаса и ветчина, облитые электрическим светом многосвечевых ламп, лоснились и умоляли — ешьте нас скорей. В графинах и просто в бутылках колыхались серьезная водка и легкомысленный портвейн. Колыхались они потому, что у стола, на котором они стояли, одна ножка была короче остальных трех. Сотрудники в вычищенных толстовках и пиджаках входили бочком, небрежно садились на стулья и закуривали. Сотрудницы от необычайной обстановки краснели и жались к углам. Разговоры не клеились. Кассир ходил скучный и всем жаловался:

— Чорт возьми, знал бы я такое дело, — обязательно захватил бы с собой гитару.

Какое именно „дело“, толком никто не знал.

— Василь Васильевич, запишите в исходящий старый год! — в сотый раз говорили регистратору.

Все смеялись, а регистратор хмурился и отвечал обиженно:

— Ах, как остроумно!

Ровно в 9 пришедший бухгалтер крикнул:

— А мы по-стариковски, с морозу, гопля-ля.

Это послужило сигналом для всех остальных.

— Г-не, рассаживайтесь!

Зазвенели тарелки. Задвигались челюсти.

— Товарищи, предлагаю выпить за старый год. До нового еще часа два с гаком, а старый... Давайте выпьем за старый! — предложил старший счетовод.

Выпили. Потом пили за „бухгалтерию“, потом за „регистратуру“, а когда собрались чокнуться за „охрану труда“, в комнату вошли Максим Васильевич со своей супругой.

— Сюда его, к нам! — кричал бухгалтер.

— Рассадить его с супругой! — предложил помощник заведующего.

— Эх, знал бы такое дело, обязательно захватил бы с собой гитару.

Под крики „ура“ товарищ Рябоконь выпил первую рюмку. Ему налили вторую и приказали:

— Догоняй!

Заведующий учетным отделом вскочил на стул и, дирижируя вилкой, запел:

— Выпьем за Максима, Максима дорогого.

Все подхватили, глядя восторженными глазами на своего заведующего:

— А пока не выпьем, выпьем за другого.

Максим Васильевич качнулся и прогремел, ехидно улыбаясь:

— А за кого же это другого?

Сразу стало тихо, как у постели умирающего.

— За кого-же это другого, хотел бы я знать? Договаривайте, договаривайте до конца. На чистую!

Всем стало очень неловко. Кто-то об'яснил:

— Это так, просто... песня.

— Ах, песня. Песни я люблю. Песни я и сам могу петь. — Вот:

— „О чем, Шура плачешь...“ —

запел заведующий. Все почувствовали облегчение. Заговорили. Зашумели. Кассир сокрушался.

— Знал бы такое дело...

— Товарищи, до встречи еще час, давайте пока во что-нибудь сыграем, — предложила Жолтенькая.

— Давайте в „оракула“, — сказала сотрудница, сидящая за столом справок. — Очень интересная игра. Завязывают кому нибудь глаза, затем к нему подходят по очереди, а он предсказывает судьбу.

— Я буду „оракулом!“ — крикнул Максим Васильевич.

— Ура!

Ему завязали глаза. Посадили в кресло посредине комнаты. Рядом с ним стал его помощник Близнецов.

Первой подошла Николаева, инициаторша этой игры. Помощник заведующего страшным басом спросил у „оракула“:

— Скажи, что ожидает в будущем сие существо?

Максим Васильевич хотел сказать что то страшное, отчего все бы засмеялись. На языке ворочалось: — „Сгоришь от взрыва примуса!“, — но не решился и сказал:

— Сократят со службы.

Столпившиеся вокруг сотрудники как то тревожно засмеялись. Следующим подошел игриво завучетом. Помощник пробасил:

— А что ждет это существо?

И опять Максим Васильевич хотел брякнуть: — „Попадет под трамвай!“, но решил, что это грубо, и сказал:

— Обязательно сократят со службы

Завучетом пришибленный отошел в сторону.

Такая же участь постигла и кассира, и старшего счетовода, и регистратора. Кто то настаивал:

— Кончать игру. Хватит!

Но заведующий затопал ногами.

— Всем, всем предскажу судьбу. Подходи!

И всем подходившим продолжал говорить одно и то же. Это действовало на сотрудников, как удар палкой по черепу, они хотя и улыбались, но лица их были мрачны. Супруга Максима Васильевича, заметив это, строго сказала своему мужу:

— Макс, так шутить нельзя.

— Ты ничего не понимаешь, — ответил он ей и продолжал:

— Сократят со службы. Обязательно сократят. Уволят.

Давно часы пробили двенадцать, но никто этого не заметил.

Сотрудники сидели на подоконниках. Многие разошлись. За столом один бухгалтер пил, ел и бормотал:

— Меня хочешь сокращай, хочешь не сокращай, а я с этого места не двинусь ни за какие утки.

Когда развязали глаза заведующему, то больше половины сотрудников уже не было. Остальные молча сидели за столом, ели неохотно и старались друг на друга не смотреть...

Кассир и два счетовода уходили вместе. Кассир говорил:

— Знал бы я такое дело, в жизни не согласился бы встречать новый год.

— За полтора рубля можно было дома так напиться, что только держись и без всяких „оракулов!“ — мрачно проговорил один из счетоводов.

С завистью смотрели они на встречных пьяных, которые широко размахивали руками и бухались в снежные сугробы.

Б. Левин

ОБЫЧАЙ СЕДОЙ СТАРИНЫ

Рис. Н. Радлова

— Гадали на святках?
— Да.. За ворота старые башмаки кидали.
— И что же вышло?
— Вышел... милиционер и составил протокол за хулиганство.

Рис. К. Ротова

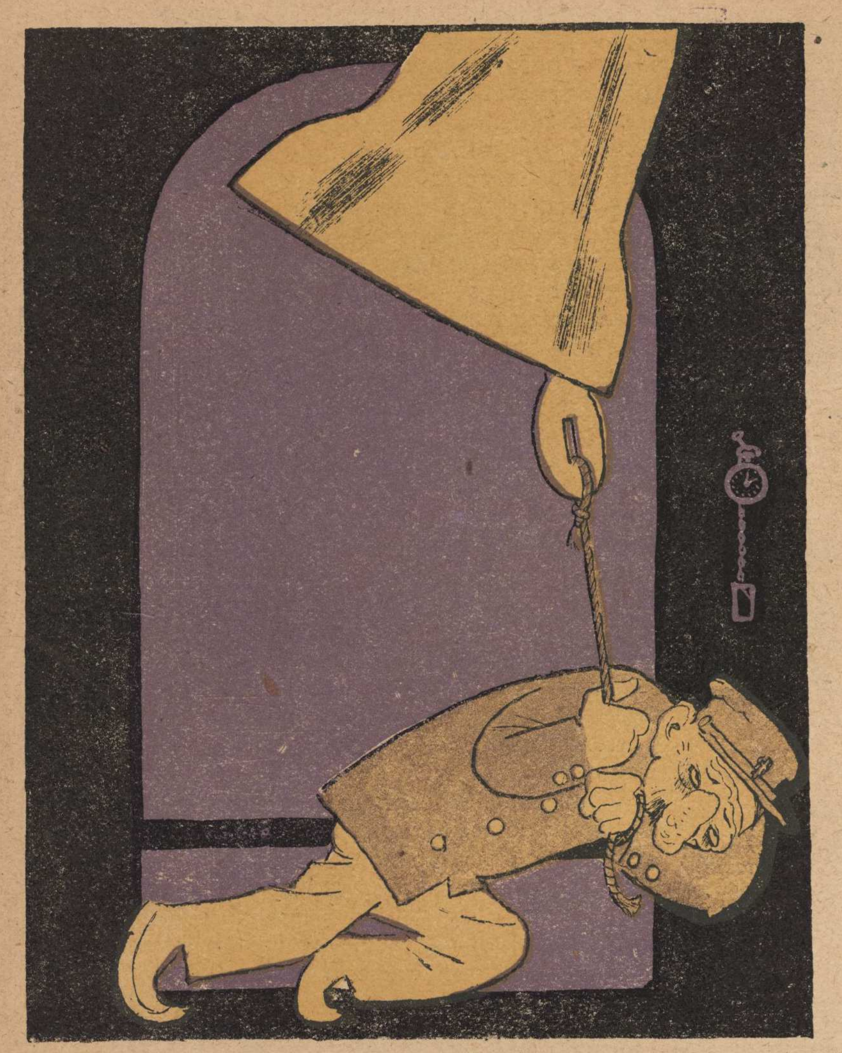
ПОГОНЯ ЗА РЕКОРДАМИ НА ВЫДЕРЖКУ

В Германии оркестр играл 30 часов без перерыва.

Во Франции танцор плясал трое суток без перерыва.

В Америке звонарь сделал 30.000 ударов в колокол без перерыва.

Но все рекорды побила рабочая партия Англии. Этим делом она занимается четвертый год без перерыва.

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ „СМЕХАЧА“

№ 1 ЯНВАРЬ 1928 ГОДА № 1

Вы спрашиваете, с чем раз'ехались участники последней конференции по разоружению?

ОТВЕТ: С песенкой „Оружьем на солнце сверкая...“

БОЛЬШАЯ РАЗНИЦА

Вопрос: Какая разница между САСШ и СССР?

Ответ: В САСШ не любят черных, а в СССР не любят белых.

ЕЩЕ О РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Вопрос: Что мне делать с карандашами химугля? Их трудно очинить, они ломаются.

Ответ: Карандаши, на которых написано „Химуголь“, целесообразно пользовать, как уголь. Хорошо горят.

СЧАСТЛИВОЕ ПАЛЬТО

Вопрос: Сколько служит непромокаемое пальто?

Ответ При теперешнем сокращении штатов оно будет служить гораздо дольше, чем вы.

ЛЮДОВИК 14, 15 ИЛИ 16?

Вопрос: В стиле какого Людовика вы мне посоветуете приобрести мебель?

Ответ: Если у вас средства небольшие,— приобретайте мебель в стиле Людовика 14-го. А при широких средствах — можете взять номером побольше.

СПРАШИВАЙТЕ!!!

Дорогие постоянные подписчики и неорганизованные розничники! С 1 номера 1928 года „Смехач“ учреждает Бюро Обслуживания. Отныне ни один вопрос нашего подписчика и читателя не останется без ответа. Мы будем отвечать на всякие вопросы труда, рождения, личных похорон, выдачи паспортов за границу, прогрессивного кролиководства, конкурса на лучшую канарейку и т. д.

ФАКТ, А НЕ РЕКЛАМА

Кострома — Сигизмунду.

Вы спрашиваете, чем наш материал отличается от литературного и художественного материала в других журналах.

В некоторых сатирических журналах появляются анекдоты с такой бородой (см. рис.)

„Смехач“, в отличие от упомянутых журналов, печатает на своих страницах не только безбородые анекдоты, шутки, мелочи, стихи и рассказы, но исключительно новорожденные, лишенные какой бы то ни было растительности. (см. рис.)

ОТ БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ „СМЕХАЧА“

В этом номере мы отвечаем на полученные письма, запросы, вопросы, записки и пр. следующим лицам:

Самара — Кривоколенову; Минск — Пестренькому; Казань — М. Безику, Проскуров — Лебедеву, Новый Куяльник — Кучумову, Зуевка — Шамову, Идрицы — Зыкову, Зарайск — Бурдукову, Конотоп — Комкину, Корсунь — Шифт, Омск — Каткову, Бахмач — Писцовой, Красная Речка — Б Иванову, Курщевка — Кулику, Воронеж — Ставковичу, Люберцы — Лютову, Миллерево — Е. Дымшиц.

НОВОСТИ СПОРТА

Вопрос: Каким приемом можно победить борца Поддубного?

Ответ: Приемом без доклада. Поддубный будет поражен до чрезвычайности.

ВЕРНЕЙШИЙ ПУТЬ

Вопрос: Каким путем итти в литературе?

Ответ: Не держитесь „Луны с правой стороны“.

НОВОЕ В ДРАМАТУРГИИ

Вопрос: Как стать соавтором?

Ответ: Надо установить два момента: а) где автор прячет рукопись и б) когда его не бывает дома. Остальное—пустяки.

БЕГА и СКАЧКИ

Вопрос: Что слышно на бегах и скачках?

Ответ: Время бежит, а цены скачут.

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА?

Вопрос: Что бюро погоды предсказывает на завтра?

Ответ: Служащие бюро сегодня получают выходное пособие и потому завтра погоды не будет.

ПЕШКОМ ВОКРУГ СВЕТА

Самара — Цвиленеву.

Вы спрашиваете о судьбе кругосветного путешественника Ф. А. Гауптмана

Совершающий пешком кругосветное путешествие и сделавший уже 30.000 километров Ф. А. Гауптман на-днях прибывает в Москву. Цель его путе-

шествия — собственноручно, в помещении конторы (Солянка, 12, Дворец Труда), подписаться на „Смехач“, в котором, начиная с 1-го номера 1928 года, будет еженедельно появляться отдел под заглавием „Бюро обслуживания Смехача (БОС)“.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ КОНТОРА „КОМФОРТ“

работающая под девизом „Тише, о жизни покончен вопрос!“, гарантирует клиентам уют и удобство! !!! Ни одной жалобы клиентов за двадцать лет существования конторы!!!

ЗАСТРОЙЩИК

имеющий жилплощадь для сдачи на особых условиях, желал бы переменить фамилию Босых на Химчик.

ОДИНОКИЙ ЗУБНОЙ ВРАЧ

безработный, играющий на волторне и умеющий плавать, живущий временно с 1921 г. в Тюмени, желал бы получить небольшую квартиру в Москве. Деньги на проезд можно посылать в Тюмень на имя местной пожарной дружины.

Портрет гражданина А. Б. В., задавшего нам первый вопрос.

САМОПОМОЩЬ

Список непонятных слов

Тлосзоб —тверское любительское общество спасения зайцев от беременности.

Сан дут—французское выражение, означающее: без сомнения. Очень употребительно при высказывании мнения о явном жулике.

Автобуз — автоматически бузящий человек.

ОПЫТНЫЙ ПЧЕЛОВОД

имеющий медаль за спасение двух утопающих, дает уроки по теории наклейки почтовых марок как на письма, так и на недвижимую собственность. Просит нас порекомендовать его в небогатое провинциальное семейство. Умеет чинить волосяные матрацы.

ОТВЕЧАЕМ!!!

*В Бюро Обслуживания принимают участие следующие светила: **, **, **, **, и другие звезды первой и второй величины. Наше Бюро Обслуживания а) поднимает культурный уровень годовых подписчиков (6 руб в год); б) расширяет умственный кругозор полугодовых подписчиков (3 р. 20 к.) и в) упорно борется с невежеством и косностью покупающих „Смехач“ в розницу*

ЛИРИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

(Незаменимо для мелодекламации)

Ты грустен? Ты обижен?
Подавлен и унижен?
Скорей бери перо.
Пиши, — тебя приветит,
На все тебе ответит
Смехачобслужбюро!

ПОДВАЛЬНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

на четвертом этаже сдается одинокому, не обремененному большой семьей. Очень удобно для редакции журнала, прачечной или вегетарианской столовой. Тут-же отдается угол для учреждения с небольшим штатом сотрудников. Адрес — в конторе.

СВОИМИ СРЕДСТВАМИ

Вопрос: Как своими средствами получить доброкачественное сливочное масло?

Ответ: Зайдите к частнику, заплатите из своих средств, вместо рубля, 2 рубля 20 коп. и вы получите фунт сливочного масла (с горчинкой).

— Правда ли, как утверждает заграничная печать, в Москве восстание?

ОТВЕТ: Как же, как же! Поэтому то в центре города почти ежедневно показывается „Бронепоезд“.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Вопрос: Чем об'яснить, что мой приятель Д. спился с круга?

Ответ: По всей вероятности, он читал сборники издательства „Круг“ и запил с горя.

ЮРИДИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

По просьбе авторов писем мы не опубликовываем их фамилий и адресов, но излагаем вкратце наиболее существенное из их вопросов.

ВОПРОС: Две небольших комнаты соединены незакрывающейся дверью. Жильцом какой комнаты может считаться человек, ежедневно спящий так, что его ноги находятся в одной комнате, а голова в другой? Ваш ответ очень необходим на предмет выселения той или другой половины упомянутого жильца.

ОТВЕТ: С точки зрения существующих законов о жилплощади, вам прежде всего необходимо точно определить и вымерить расстояние от головы до ног упомянутого жильца, провести по его животу, по возможности безболезненее, мысленную линию, все эти цифры сложить, помножить на кубатуру воздуха, вычислить плату за жилплощадь и лишь после этого самим с'ехать.

ВОПРОС: Является ли обладание машинами признаком частновладельческого производства и наоборот?

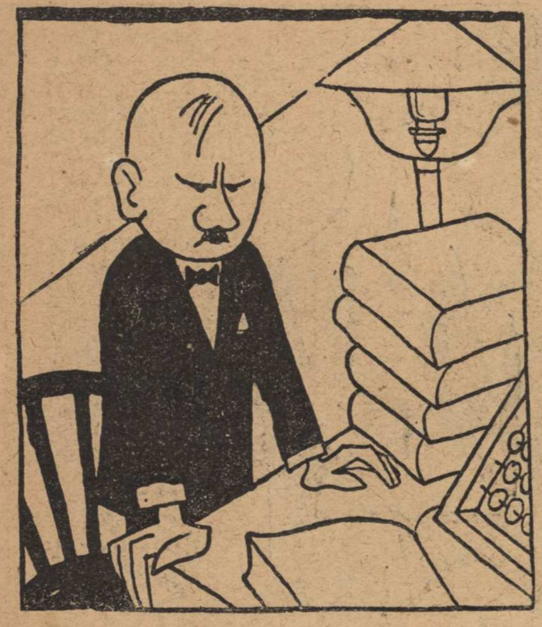
ОТВЕТ: Если, например, у вас имеется машинка для стрижки волос, кофейная машинка, пишущая, швейная и для точки карандашей — то нет. Что касается наоборот — обратитесь в один из наших других отделов.

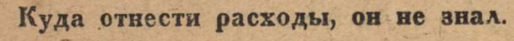
НА КОНВЕРТАХ С ЗАПРОСАМИ В БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ СМЕХАЧА УКАЗЫВАЙТЕ „БОС“.

ПРИСЫЛАЙТЕ СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ДОКУМЕНТЫ, ФОТОГРАФИИ ДЛЯ АРХИВА „БОС“.

Рис. Б. Малаховского

ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

Куда отнести расходы, он не знал.

Зато он знал, куда отнести доходы.

ДРУЗЬЯ

I

Большой человек умер нехорошей смертью. Не успели еще поставить над его могилой памятника, как появились в печати воспоминания близкого друга об умершем.

Друг писал:

„В интересах ограждения светлой памяти усопшего от происков врагов, которые, несомненно, пожелают очернить ее, не брезгуя никакими средствами, мы считаем своим долгом выступить немедленно со своими воспоминаниями, чтобы раз навсегда пресечь эти попытки. Несомненно, покойник был до известной степени талантливым человеком, в особенности это проявилось в тот период его жизни, когда он находился под моим влиянием. У меня вообще широкая натура и в этом отношении я совсем не был похож на своего несчастного друга, который, говоря откровенно, был порядком-таки скуповат.

Друг мой был очень популярен. Появляясь неизменно в моем обществе, он тоже привлек всеобщее внимание, а однажды его даже приняли за меня и устроили ему овацию. Следующий случай очень характерен для памяти моего товарища. Однажды на меня напали разбойники, но когда я не растерялся и прочитал им свои стихи, они сейчас же низко опустили передо мною свои широкополые шляпы и проводили меня до самого дома, принося всю дорогу свои извинения.

Все остальные знакомые и друзья моего покойного друга были, как на подбор, жулики из тех, что на ходу подметки режут, картежники, алкоголики, прохвосты, или такие уроды, что их можно было показывать за деньги. Их влияние на него в противовес моему было гибельным. С ними он обычно проводил время в диком разгуле и вредных излишествах, а со мной всегда скромно и питательно обедал. Правда, платил за обеды всегда я, но это не важно, потому что он вообще жил на мой счет. Что до появившихся слухов, будто все его труды на самом деле написаны мною, то я должен это категорически опровергнуть. Писал он сам, я же только помогал ему ценными советами и важными указаниями.

Спи же с миром, дорогой друг! Пусть эти пропитанные нежностью к тебе строки лягут пухом под твою исстрадавшуюся голову.“

Воспоминания эти имели шумный успех.

Почти сейчас же вслед за этими воспоминаниями появились воспоминания другого друга:

„Авантюристы, отбросы общества, грязные шакалы и гнусные вороны,— писал он,— окружавшие лучшего моего друга при жизни,— справляют теперь дикую свистопляску и на его могиле. Эти люди, которые свели такого человека в могилу, теперь стремятся скорее нажиться вокруг этой смерти, в которой только они и виноваты. И теперь у них хватает наглости еще писать воспоминания, продавая их по двести рублей за печатный лист. Между тем, с гораздо большим правом это мог бы сделать я, стоявший ближе всех к усопшему. Я знаю такие интимные и пикантные подробности из его жизни, перед которыми бледнеет жалкая пачкотня этих инсинуаторов. Однако, потрясенный потерей, я до сих пор не удосужился еще выпустить книгу о покойном, которая у меня уже совершенно готова к печати.“

II

Следующие воспоминания об умершем я уже не читал, а слышал на одном вечере, посвященном памяти поэта. Худой, лохматый человек в толстовке, с глубоко запавшими глазами на мрачном лице, рассказывал о последних двух днях жизни усопшего:

— Знайте, что вечер за два дня он провел со мной в подвале союза художников, где я читал ему свои стихи.

— И я, и я!— послышались голоса остальных друзей, сидевших за столом.

— Не спорю,— ответил на эти выкрики лохматый человек,— вы действительно тоже читали ему свои стихи, но я хочу указать только на то, что именно в моих стихах был указан, разработан до мелочей и рекомендован тот способ самоубийства, которым потом полностью воспользовался наш незабвенный товарищ.

Он сел, сопровождаемый аплодисментами публики. Потом несколько раз вставал и скромно раскланивался.

Затем слово предоставили еще одному очередному другу, нетерпеливо ерзавшему на стуле в ожидании своей очереди:

— Мне вполне понятна причина преждевременной смерти несчастного моего друга,— заметил „очередной друг“,— выслушать в один вечер стихи стольких дегенератов,— он сделал жест в сторону остальных друзей,— и сохранить еще некоторый вкус к жизни, для этого надо быть железным человеком. Увы, покойник им не был...

Не успел этот друг кончить, как заговорил новый вспоминатель — лысый человек, с широко расставленными черными глазами, не дожидаясь даже, пока ему дадут слово:

— Хотя дружба дает большие права, но все-таки я считаю, что товарищи склонны слишком обобщать отдельные факты. Я этого не хочу сделать. Скажем, покойник замотал у меня хороший шелковый заграничный галстук и пару перламутровых запонок с инкрустацией, но разве из этого следует делать вывод, что он был вообще нечист на руку? Никогда! О мертвых ничего, кроме хорошего!

Дальше я не стал слушать и вышел в вестибюль того здания, где происходил вечер. Там я встретил двух кровных, смертельных, непримиримых даже сейчас, врагов покойного, которых, как у всякого крупного человека, на ряду с друзьями у него было много.

— Воображаю,— сказал я им,— как вы теперь будете мстить и издеваться над умершим, благо он не сможет вам ответить. Настал, наконец, и на вашей улице праздник...

Но один из врагов грустно покачал головой и ответил:

— Напрасно вы так думаете. К сожалению, мы не успели. Все, что мы могли бы придумать в этой области,— уже использовано. Абсолютно все!

— Видите ли,— пояснил второй,— у этого человека все-таки было немало близких друзей.

Сергей Карташов

СМЕШЕНИЕ КАЛЕНДАРЕЙ

— Странное дело, на дворе декабрь месяц, а посмотришь на некоторые об'явления некоторых издательств, так и чудится, что первое апреля.

В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

Рис. И. Малютина

— Как ваше имя ?

— Агафон... Федорович Сидоров, беспартийный. До 1917 года был частным поверенным, семейный, под судом и следствием не состоял, на заем индустриализации подписался... Будем знакомы!

„ГРЕЧНЕВАЯ КАША“

Рисунки И. Малютина

Я старый читатель „Смехача“, со стажем, равным числу лет издания этого необыкновенного журнала, стоя на краю могилы (я собираюсь жениться) беру в свои холодеющие руки (в комнате испортилось отопление и стоит температура в 3⁰) перо для того, чтобы сказать всему культурному человечеству свое, может быть, последнее слово.

С дней далекой юности я готовил себя к ученой карьере. Работа в тиши кабинета была моей постоянной мечтой и только отсутствие интересной темы для исследования мешало мне начать работу.

Но в 1923 году начал издаваться „Смехач“ и с его выходом пришла и моя тема.

— Ныне отпущаеши! — воскликнул я облегченно и тут же закрепил за собою тему своего труда. Я назвал ее так:

— „Влияние „Смехача“ на жизнь, благополучие и пищеварение его подписчиков“.

Я работал, как вол, над этой темой пять лет, получил в итоге материал на 620 печатных листов и в настоящее время решаюсь опубликовать только самые яркие страницы из моих наблюдений. Все же остальное надеюсь опубликовать в дальнейшем.

1. „Смехач“ — лучшее средство от ночных бандитов

Некий подписчик А., проживающий в Краснодаре, возвращался ночью от переплетчика, который заключал „Смехач“ за первое полугодие 1927 года в роскошный переплет с тиснениями. Было уже темно, и на углу Соборной и Котляревской к подписчику А. подошел хулиган и приказал:

— Скидывай пальту!

Немедленно подписчик А. размахнулся и хлопнул хулигана переплетенным „Смехачем“ по башке, после чего хулиган возопил гласом велиим:

— Горе мне, окаянному!

И исшед вон, радовался, что бит был только полугодовым комплектом, ибо годовой убил бы его всенепременно.

2. „Смехач“ создает семейное благополучие

Супруги Б., — подписчики „Смехача“ со стажем с 1923 года, жили, как кошка с собакой, и не ругались только во сне. Эта

невозможная жизнь продолжалась вплоть до 1924 года, когда „Смехач“ уже успел внедриться в их быт.

Оба супруга не один раз высказывали сожаление, что „Смехач“ приходит в их город (они жили во Владивостоке) на неделю позже его выхода в Москве. Это огорчение довело их в конце-концов до того, что они переехали в Москву и оба устроились в учреждениях, возглавляемых их родственниками, благодаря чему и дожили до днесь, счастливо избегая всяких сокращений. Ругаются же они по-прежнему.

3. „Смехач“ приносит богатство

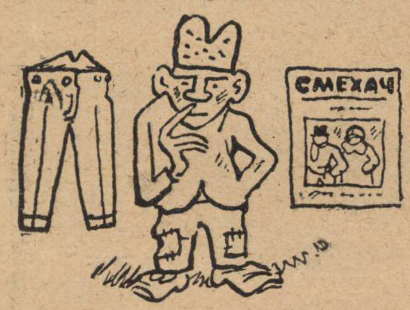
Некто В., проживающий в Уфе, всю жизнь выписывал только бандажи для поддержки грыжи и, конечно, бедствовал. Ранней

весной 1927 года он подписался на „Смехач“ и, как говорится, „и что же“? Посмеявшись над первым же полученным номером, он повредил грыжу, лег в больницу, оперировался, а после операции продал комплект оказавшихся ненужными бандажей и выручил за них семь рублей, из коих два рубля провел на семечки (подсолнечные и тыквенные пополам), а за пятерку купил кусок облигации займа и собирается выиграть пять тысяч, — больше ему не надо.

4. „Смехач“ открывает все входы

Некто Г., кандидат в подписчики на „Смехач“ на 1928 г., долго колебался, куда ему употребить 6 р., — подписаться ли на „Смехач“, или же купить на толчке брюки. Однажды он пришел в некое учреждение, имея намерение проникнуть к заву. Но у зава висел плакат: „Без доклада не входить“ и несчастный Г. упал духом. Но подле него оказался некто Д., выписывающий уже три года два экземпляра „Смехача“ и поэтому чрезвычайно опытный в способах обращения с завами.

— Гражданин, — сочувственно сказал Д., — если вам до зарезу необходимо проникнуть к заву, то вот вам мой совет: смотайтесь домой, пристегните воротничек, возьмите портфель и вертайтесь сюда с самым независимым видом. Прикрикните на курьера, что у него пуговицы не в порядке, и входите беспечно без доклада и будете приняты.

И так, конечно, и было, после чего Г. решил непременно выписать „Смехач“.

5. „Смехач“ излечивает алкоголиков

Некто Ж., выписав по коллективной подписке „Смехач“, пришел в местком получить первый номер. Прочитав тут же номер, он не заметил, как прошел тот час, когда закрываются водочные магазины, и поэтому ко всеобщему удивлению в этот вечер был трезв, как телеграфный столб. Изумив всех и еще больше изумившись сам, он сначала затосковал, но через несколько дней, будучи посажен в больницу для излечения алкоголиков, проявил все признаки отвращения не только

к водке, но даже к собственной жене. По выходе из больницы женился на гражданке З., выписывающей „Смехач“ с 1925 г., и в настоящее время исправно платит ей алименты.

6. „Смехач“ помогает найти работу

Некто К. — безработный, но все же годовой подписчик „Смехача“, отчаявшись найти соответствующую его ремеслу работу (он был по профессии учитель греческого языка в дореволюционных гимназиях) решил взять быка за рога и сделался уличным продавцом

„Смехача“, при чем, стоя на углу, до того противно кричал: — „Смехач“, последний номер, цццццена 15 копеек!“, что некий зав, живший как раз в том доме, около которого кричал К., однажды не вытерпел и сказал ему:

— Что нужно, чтобы ты, чорт полосатый, ушел со своим диким голосом с моего угла?

— Хочу должности! — ответил К.

— Приходи, дам! — ответил зав.

Конечно, К. пришел и получил должность. Он стоит теперь у дверей завова кабинета и вещает:

— Сегодня приема нет.

* * *

Имеющий уши, чтобы слышать, пусть слышит

Евграф Дольский

ПОЧЕМУ МЕНЯ НЕТ В ЭТОМ НОМЕРЕ?

(Письмо моим почитателям)

Строчу я приложений том
(Я вам, читатели, не лгу, даю!)
Я в томе не халтурю том
Над ним работаю с Матильдою!

Я жизнью с ней живу одной:
Мы увлекаемся сатирою,
И с уважаемой женой
Я приложенья редактирую.

Я в этом деле тверд и крут,
Хоть весь горю от увлечения!
На днях я свой закончу труд,
Тогда—возьмусь за приключенья!..

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН

ВСЕЗНАЙКА

Рис. Б. Малаховского

СЕКРЕТАРЬ: — Подпишитесь!
ЗАВ: — Знаю, знаю! На „Смехач", с 12 бесплатными приложениями „Смехач на дому", — на год — 6 р., на полгода—3 р. 20 к. Все знаю!!

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

В отделе спорта „Вечерней Красной газеты" (№ 315) помещен такой „Салют зиме":

Односкок—п-ч-ж! Двускок—п-ч-ж-ж! Русский,— шмыг-шмыг!
Финский—чик-чка, чик-чка...
У-у оф! Ха-ха! Ч-ж, ч-ж-ж.
— Салютируй! Зима-а!
У-у-у-у.
— О!
— А-о! Чик-чка, шмыг-шмыг.

Напрасно только редакция напечатала рецензию своего сотрудника. Прочитав ее, редакция должна была бросить рукопись в корзину и, указав на дверь, сказать, обращаясь к рецензенту:

— Чик-чка! Шмыг-шмыг!

*

В той же газете читаем сенсационную заметку:

Вчера, в 3 часа дня, на Москву-реку прилетел на гидросамолете „Савойя-62" итальянский летчик Мадалено, совершающий большой круговой перелет по Европе.

Суду предано 5 чел.: братья Прове, Коребанов, Подрезков и Нанов.

Чем об'яснить такой неожиданный (сам О. Генри не придумал бы!) конец заметки?

Просто,— корректора на летчика загляделись...

*

Отрывок из стихотворения, помещенного в журнале „Красноармеец" (№ 22):

...В эту ночь торжественный сон Тулона
Разорвал матросский бунт в тюрьме.

Ввиду того, что из приведенной цитаты не ясно, кто кого разорвал (сон — бунт или бунт — сон), правильнее было бы напечатать означенное стихотворение в отделе „Шарады и головоломки".

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

„ДВА ОХОТНИКА" С БУТЫЛКОЮ ВОДКИ

Клуб Румянцевской фабрики получил в железном ящике картину „Два охотника". Когда ящик вскрыли, вместе с картиной там нашли начатую бутылку водки.

Так сообщает „Рабочая Газета".

Нас удивляет, однако, не то, что нашлись два кино-охотника на водку, а то, что в клубах находятся охотники на всякого рода полупьяные фокстротирующие фильмы! Кстати, верно-ли, что Совкино выпило на брудершафт с заграничными кинофирмами?

Теперь секрет открыт, почему иной раз наши фильмы с трудом проходят и, покачиваясь из стороны в сторону, пишут на экране мыслете...

ХИТЕР НАШ БРАТ МАНУФАКТУРИСТ!

Очевидно, по какому-то недоразумению нижеследующее об'явление попало не в „Бюро обслуживания Смехача", а на страницу „Харьковского Пролетария" (№ 195):

> **Благодарю мою уважаемую преподавательницу Витебскую, Фаню Давидовну (Торговый пер., д. № 6., Павл. площ.), за то, что Вы из меня, бывшего мануфактуриста, не имевшего понятия, как надо работать, а в особенности шить, сделали квалифицированного рабочего-белошвейника и брючника и этим дали мне возможность заработать на жизнь. Желаю Вам всего хорошего.**
>
> **С почтением Ханм Клейнман. Харьков, Романовский п., 10.**

Сколько бывший мануфактурист Клейнман заработал у уважаемой Фани Давидовны на жизнь за напечатание этого адреса, с опубликованием адреса основательницы академии брюковедения и своего?

Врочем, это не наше дело! „Смехач"— не фининспектор! Желаем вам, благодарный гражданин Клейнман, всего хорошего!

БЕЙ ЕГО, Я ЕГО ЗНАЮ!

„Вперед" рисует состязание футболистов, состоявшееся в Уйском (Троицкого округа) между местной и сборной кочкарской командами:

Правый край-форвард скакал на игроков и даже на публику. Центр хавбек сильным ударом сзади выбил противника за площадку, а другого разбил до крови. Центр-форвард пинал по лицу противника голкипера.

Во время состязаний среди любопытных родственников, присутствовавших на этой забаве, сновали гробовщики и раздавали летучки:

— Только у нас большой выбор гробов. Спортсменам по предварительным заявкам скидка. Торопитесь!

Следовало бы, однако, выяснить: не являются ли все эти правые крайфорварды, хавбеки и центр-форварды тайными сотрудниками бюро похоронных процессий?

ПАРЛЕ ВУ ФРАНСЕ?

Бирскому сельсовету управление Дальрыбы из Хабаровска прислало такой запрос:

— Какого характера дно реки Биры, — вулканического или теогезического?

Бирский сельсовет, конечно, не задумываясь, ответил:

— Мэ вуй! Теогезического! Силь ву плэ!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Барнаул. — Доронченко.

„Я обеспокоен: правда-ли, что Евлампий Надькин заболел?"

Не серьезно, во всяком случае! Легкое переутомление... Температура нормальна... Самочувствие хорошее... Подписка на „Смехач" принимается... Матильда Надькина кланяется!.. „Смехач на дому" заканчивается печатанием...

Кзыл-Орда. — Сорокину.

„Я могу освещать в „Смехаче" жизнь Казакстана".

Лучше осветите жизнь Казакстана „Смехачем"... В „Смехаче" освещение достаточное (одна лампочка — 50 свечей, экономическая, над столом редактора и две лампочки по 100 свечей, перегоревшие, над столом зав. Казакстанским отделом журнала).

Издатель—«ГУДОК». Отв. редактор — **И. Н. Пирогов**.
Главлит № А—4201. Отп. в 7-й типографии «Искра Революции» Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипп. п., 11. Тираж 110,000.

НЕ СУЛИ ЖУРАВЛЯ.

Рис. М. Черемных

— Нно-о! Думаешь, „Автодор“ автомобили пообещал,— так тебе и работать не надо?..